Марія Волкова

Пѣсни Родинѣ

МАРІЯ ВОЛКОВА.

Пѣсни Родинѣ.

Изданіе Войскового Представительства
Сибирскаго Казачьяго Войска.
Харбинъ 1936 г.

Предисловіе П. Н. Краснова.

„П ѣ с н и Р о д и н ѣ“—пѣсни о Родинѣ.

Пѣсни, пропѣтыя вольною птицей, попавшей въ неволю, въ изгнаніе, посаженной въ клѣтку.

Какъ птица поетъ въ клѣткѣ тѣ самыя пѣсни, что пѣла на волѣ, въ лѣсу—такъ и та, кто поетъ намъ свои звучныя пѣсни—выливаетъ въ нихъ несказанно сильную, глубокую, нѣжную душу и поетъ о все забывающей и все прощающей любви къ Родинѣ, къ матери Россіи и неизмѣнившимъ Ей въ годину народнаго помраченія Ея сынамъ—Сибирскимъ казакамъ.

Авторъ—дочь Сибирскаго казака и Уральской казачки. Самое вѣрное, сильное и глубокое Русское въ ней отложилось и течетъ въ ея крови.

Авторъ познала Россію, великую Россію прошлаго—Россійскую Имперію лишь въ ранніе дѣтскіе годы, познала въ Сибири, въ Акмолинскихъ степяхъ, въ знойныхъ пустыняхъ и ледниковыхъ горахъ Семирѣчья—отсюда ея глубокое чувство природы и пониманіе ея красотъ, отсюда провинціальная, неиспорченная нѣжность, чистота и ясность чувствъ.

Годы дѣвичества и зрѣлости, замужества и материнства — страшный, неистово лютый подлинно л е д я н о й походъ черезъ всю Сибирь отъ Уральскихъ горъ до Байкала, въ немъ—ужасная смерть горячо любимаго отца, героя Колчаковскаго похода, нигдѣ не сдавшаго и не измѣнившаго, потеря дочери первенца...

А потомъ—изгнаніе... чужбина—бѣдность, сознаніе своей неприкаянности.

И вотъ, на чужбинѣ, въ безпросвѣтной тоскѣ по погибшей Россіи—руки берутся за струны и льется пѣснь—о красотахъ былой Русской жизни, объ удали казачьей, о миломъ, покойномъ Сибирскомъ бытѣ.

Вдругъ вздрогнетъ рука, нахмурятся брови—и мы услышимъ страшную повѣсть о пережитыхъ страданьяхъ, о гибели близкихъ и дорогихъ, о потерѣ надеждъ, о томъ, о чемъ, когда вспомнишь—не вѣришь, какъ это все можно было пережить.

И тогда зазвучитъ элегія—тихая пѣсня скорби, пересказъ одинокихъ, мучительныхъ думъ на чужбинѣ.

Все то, что поетъ намъ молодая поэтесса—такъ близко нашей Русской душѣ, такъ дорого Русскому сердцу, особенно дорого Сибирскому казаку—что не заслушаться ими, этими пѣснями нельзя. И вздохнешь о прошломъ, и прольешь слезу о печальном настоящемъ, и вспомнишь былую мощь Россіи.

Но говоритъ мудрый Царь Екклесіастъ:...—„всему свое время, и время всякой вещи подъ небомъ... Время убивать, и время врачевать, время разрушать и время строить... Время плакать, и время смѣяться, время сѣтовать и время плясать“... (Екклес. гл. 3 ст. 1, 3 и 4). Придетъ и намъ время, когда будемъ строить, смѣяться и плясать...

Пѣсни Родинѣ—лучшія пѣсни,—онѣ будятъ въ насъ самое великое и святое чувство—любовь къ Россіи.

Послушаемъ ихъ.

П. Красновъ.
22 февраля 1936 года.
Дер. Сантени.
Франція.

Мария Волкова

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тебѣ—Великая, Жестокая, Родная,
Всегда любимая съ далекихъ дѣтскихъ лѣтъ,
Я пѣсни вѣрности и горести слагаю
И шлю, какъ даръ, какъ дочерній привѣтъ!

Нѣтъ нужды въ томъ, что Ты сошла съ дороги:
Пора придетъ—Ты путь найдешь прямой,
И ликъ прекрасный Твой, загадочный и строгій,
Съ улыбкой склонится, быть можетъ, надо мной.

Нѣтъ нужды въ томъ, что жизнь мнѣ Ты разбила,
Уславъ къ чужимъ, холоднымъ берегамъ,—
Того, что раньше сердцу было мило,
Я никому и нынѣ не отдамъ!

Пусть—нищета, пусть все кругомъ—не наше,
Пусть коротка, непрочна жизни нить,—
Я пью безропотно мнѣ посланную чашу,
Благодаря за счастье РУССКОЙ быть!

И если не войду подъ сѣнь Твою, Родная,
Не устоявъ въ болѣзни и въ борьбѣ,—
Умру, за то судьбу благословляя,
Что пѣть могла Тебѣ и о Тебѣ!

I.

О ПОГИБШИХЪ НАДЕЖДАХЪ.

ЛИХОЛѢТЬЕ.

Закатилась Русь государева.
Померкла былая слава.
Нависло кровавое марево
Надъ нашей великой державой.

Все то, что вѣками скоплено,
Растрачено въ годъ единый,
И мудрая жизнь затоплена
Безумной, слѣпой пучиной.

Погибли свитки безцѣнные,
Покрытые древней вязью.
Забыты слова незабвенныя,
Былое залито грязью.

Свершилась судьба неминучая,—
И молча—подъ свистъ и стоны—
Сошла наша Русь могучая
Сама со ступеней трона!

И поступью босоногою,
Забрызгавъ одежды кровью,
Чужой побрела дорогою,
Охвачена пьяной новью.

Пришли управлять безродные.
Ужъ больше святынь не стало.
И Русь, отъ грѣха свободную,
Кромѣшная тьма объяла...

КЛИЧЪ.

Съ Кубани и съ Дона
Гудятъ перезвоны:

„Къ оружью! не время дремать!

Вы, души живыя,
Впередъ—за Россію,

За нашу несчастную Мать!

Васъ долго терзали,
Травили и гнали,

Бросали невинныхъ въ тюрьму,

Вы гибли безъ вѣсти,
Но рыцарской чести

Не дали отнять никому!

Вы—Родины стражи!
Въ васъ доблесть все та же

И тотъ же, что прежде, пароль,

И то же надъ вами
Колышется знамя,

А въ сердцѣ... щемящая боль!

Съ Кубани и съ Дона
Гудятъ перезвоны,

Не молкнетъ тревожный набатъ!

Все громче, все шире,
И вотъ—изъ Сибири

Отвѣтные зовы спѣшатъ:

„Мы слышимъ васъ, братья!
Нависло проклятье
Надъ нашей печальной страной.

Отъ края до края,
Любя и страдая,
Мы встанемъ сплошною стѣной!

Впередъ же смѣлѣе,
Себя не жалѣя!
Довольно мученій и бѣдъ!

Быть можетъ, съ Востока
Веленьями рока
Придетъ избавительный свѣтъ!"

МОСКВА.

Наше дѣло—колоть и стрѣлять,
Наше дѣло—въ окопахъ лежать,

И не день, и не два!

Не веселая жизнь суждена,
Но завидная цѣль намъ дана:

То—Москва!

Мы идемъ все впередъ и впередъ.
Подвигъ яркій, прекрасный насъ ждетъ,

Не пустыя слова!

Можемъ пасть мы въ бою каждый мигъ,
Но зато и девизъ нашъ великъ:

То—Москва!

Взволновалась, вскипѣла Сибирь.
Пробудился отъ сна Богатырь,

Высоко поднялась голова,

Во весь ростъ свой могучій онъ всталъ,
Протянулъ свою длань за Уралъ:

Тамъ—Москва!

И душа растомилась тоской:
Тамъ, за этой кровавой стѣной

Русь жива,

И сіяетъ крестами церквей
И зоветъ къ себѣ вѣрныхъ дѣтей

Мать—Москва!

ПОРТРЕТЪ.

Римскій профиль тонкій, гордый,
Сухощавая фигура.
Взглядъ рѣшительный и твердый.
Брови сросшіяся хмуро.

Вся осанка, обликъ цѣлый
Дышитъ мощью затаенной,
Силой духа, волей зрѣлой,
Вѣрой въ высшіе законы.

Кто не помнитъ о героѣ —
Какъ одинъ съ толпою споря,
Онъ оружье золотое
Смѣлымъ жестомъ бросилъ въ море?

И въ безстрашьи величавомъ
Выше всѣхъ былъ головою.
Не искалъ онъ блеска славы,
Но отмѣченъ былъ судьбою!

Вѣрность долгу безгранична.
Очи вдаль глядятъ сурово.
Какъ идетъ къ чертамъ античнымъ,
Къ сѣдинѣ—вѣнокъ лавровый!

Губы сжаты плотно—строго,
Будто въ скорби непомѣрной.—
Въ гордыхъ лаврахъ—волей Бога—
Скрыто много жгучихъ терній!..

НА УРАЛѢ.

Чудный, прекрасный и дикій Уралъ,
Весь погруженный въ покой величавый,
Ты никогда такой жатвы кровавой
Въ старыхъ тѣснинахъ своихъ не видалъ!

Темныя ели дивились не мало:
Столько народу на Западъ прошло!
Что ихъ такъ сильно встревожить могло,—
Развѣ въ Сибири ужъ мѣста не стало?

Что тамъ творилось подъ тихой Уфой!
Пушки и ружья гремѣть уставали!
Эхо гудѣло въ тѣ дни на Уралѣ,
Грозно спугнувъ вѣковѣчный покой.

Поѣздъ за поѣздомъ шелъ, нагоняя,—
Люди отважно стремились впередъ.
„Что вы спѣшите,—вѣдь смерть васъ зоветъ",
Думали горы, гостей провожая.

„Жаль этихъ стройныхъ и сильныхъ мужчинъ,
„Жаль этихъ мальчиковъ, въ подвигъ влюбленныхъ,
„Жаль этихъ женщинъ, въ войну вовлеченныхъ",—
Скалы шептали съ вершинъ.

Все закружилось, какъ въ пьяном угарѣ:
Изъ-подъ Уфы откатилась волна!
Въ самыя горы проникла война:
Кровь полилась въ Сулеѣ, на Миньярѣ,

Кровью окрасились Ай, Юрезань,
Вольныя рѣки сѣдого Урала...
Красные, бѣлые,—сколько ихъ пало
Въ междоусобную страшную брань!

Чудный, прекрасный и дикій Уралъ,
Весь погруженный въ покой величавый,
Ты никогда такой жатвы кровавой
Въ старыхъ тѣснинахъ своихъ не видалъ!

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ.

Безкрайныя сибирскія поля,
Безкрайныя сибирскія равнины...
Намокшая, продрогшая земля...
Березки чахлыя да голыя осины...

Унылой лентою дорога вдаль идетъ.
По сторонамъ помятая отава,
Пшеница кое-гдѣ несжатая гніетъ,
Хоть урожай и выдался на славу.

Колеса, жалобно скрипя, уходятъ въ грязь,
Лошадки тащатся едва отъ утомленья.
За ними вслѣдъ, нестройно разбредясь,
Идутъ печальныя, измученныя тѣни.—

Кой-кто изъ нихъ шагаетъ босикомъ,
Кой-кто закутался въ худое одѣяло,
Кто голову накрылъ себѣ торчмя мѣшкомъ
И въ колпакѣ смѣшномъ плетется вяло...

Больное солнышко укрылось въ гущѣ тучъ
И до земли ему совсѣмъ нѣтъ дѣла.
Осенній дождь безжалостно колючъ,
Промокшее дрожитъ и гнется тѣло.

И ничего не видитъ взоръ тупой:
Тоска въ немъ смертная, тоска—не озлобленье...
Смотри,—вонъ тамъ окопъ одинъ пустой,
Повисли клочьями обрывки загражденья.

И свѣжіе кресты невдалекѣ стоятъ:
За эту мѣстность долго воевали.
Опять окопы,—длинный, длинный рядъ, —
Еще недавно въ нихъ стрѣлки лежали.

Тамъ много ихъ осталось навсегда,
Найдя пріютъ въ землѣ разбухшей, вязкой,
Но подвигъ ихъ забылся безъ слѣда
И вся ихъ повѣсть съ грустною развязкой.

Одни навѣкъ ушли. Другіе все идутъ,
Толпясь въ невѣдомомъ, загадочномъ просторѣ.
Глаза усталые ужъ ничего не ждутъ,
И въ складкахъ рта гнѣздится молча горе.

Промозгло. Холодно. Далекій путь открытъ.
Когда конецъ и чѣмъ все завершится?
Сибирскій вѣтеръ тѣло леденитъ,
А въ души тихое отчаянье стучится.

Отходъ.

Гибнутъ надежды, гибнутъ мечты.
Безумье нависло надъ нами.
Лучшіе дни, дни побѣдъ изжиты,
Пропасть у насъ подъ ногами.

Сколько любившихъ Русь сердецъ
Навсегда перестало биться!
А эмблема живыхъ—терновый вѣнецъ.
Надо молча страдать, томиться.

О, пускай бы, пускай пришлось страдать—
Мы привыкнуть къ тому успѣли—
Но хотя бы навѣрно и твердо знать,
Что идемъ неуклонно къ цѣли!

Можно все испытать, можно все претерпѣть,
Смерть спокойно выбрать въ сосѣди,
И съ улыбкой ей въ очи пустыя глядѣть,
Зная: гибель твоя—шагъ къ побѣдѣ.

Какъ много восторга въ словѣ „впередъ,"—
Отъ него вся душа пылаетъ.
Если бодрый сигналъ въ наступленье зоветъ,
Страха вѣрный солдатъ не знаетъ.

Но когда въ землѣ, какъ слѣпые кроты,
Недѣлями надо лежать,
Поджигать города, взрывать мосты
И все отходить, отступать,—

Тогда унынье змѣей ползетъ
И всѣхъ начинаетъ душить,
„Что будетъ съ нами"—вопросъ встаетъ
И больше не хочется жить...

Отходимъ. Страшно. Катимся мы.
Столицу пришлось отдать.
Сгущается сумракъ, предвѣстникъ тьмы,
Зари намъ уже не видать!

За что тяготѣетъ надъ нами рокъ?
Мы Мать лишь стремились спасти.
Нашъ кличъ боевой, нашъ девизъ высокъ.
Но счастья нѣтъ на пути.

Мы съ яснымъ сердцемъ за родину шли,
Горя лишь любовью къ ней
И жизнь ей въ жертву безъ словъ несли,
Чтобъ жертва была полнѣй.

Мы знали радостный шумъ побѣдъ,
Дышали зноемъ войны,—
За что же гибнемъ? Отвѣта нѣтъ:
Мы родинѣ были вѣрны!

Надежды гаснутъ. Чернѣе мракъ.
Что дѣлать?—Тихо страдать!
Идетъ за нами окрѣпшій врагъ,
А нашъ удѣлъ... отступать!

Лѣсъ.

Мы ѣхали въ лѣсу. Дорога извивалась
Между деревьями огромными змѣей.
И тихо-тихо ночь на землю надвигалась
И одѣвала все въ покровъ туманный свой.

Закатъ уже погасъ, и небо чуть алѣло,
И загорались звѣзды въ вышинѣ.
Ни голоса, ни звука не звенѣло
Въ торжественной вечерней тишинѣ.

Спустилась тьма. Но скоро засіяла
Въ бездонномъ небѣ полная луна,
И съ нею вдругъ въ лѣсу свѣтло и ясно стало,
И свой холодный свѣтъ лила на насъ она.

Столѣтнихъ сосенъ гордыя вершины
Стремились въ высь раскидистымъ шатромъ.
Ажурною тончайшей паутиной
Покрытъ былъ лѣсъ. И сказочнымъ огнемъ

Мерцая, искрясь, звѣзды отливали,
А тысячи брильянтовъ дорогихъ
И на землѣ, и на вѣтвяхъ лежали,
И блѣдный свѣтъ луны переломлялся въ нихъ.

Межъ сосенъ кое-гдѣ красавицы—березы
Виднѣлись нѣжныя, покрытыя фатой.
Казалось, это—сонъ. Казалось, это—греза.
Казалось, это—край нездѣшній, неземной.

И все было вокбугъ полно очарованья,
Полно покоя, чуткой тишины,
И плохо вѣрилось, что въ мірѣ есть страданья.
Что близко смерть, и кровь и адскій шумъ войны...

Въ теплушкѣ.

Душно было въ теплушкѣ. Догорала печурка,
И на нарахъ чадила, оплывая, свѣча:
Тамъ безпомощно—просто умирала дѣвчурка
На рукахъ у родителей безъ лекарствъ и врача.

Тщетно воздухъ ловила—задыхалась малютка,
И рученки цѣплялись въ тихомъ страхѣ за мать.
А больное хрипѣнье ухо слышало чутко,
И въ набитой теплушкѣ всѣ боялись дышать.

Смерть вошла величаво своей поступью твердой
И наполнила сразу весь примолкшій вагонъ,
Съ торжествомъ оглядѣлась и съ усмѣшкою гордой
Прекратила послѣдній и мучительный стонъ.

Всѣ сейчасъ же почуяли ледяное дыханье,
Но никто крикомъ ужаса не прервалъ тишины:
Уходило невинное Божье созданье,
Безотвѣтная жертва ненасытной войны!

Возлѣ дѣтской постельки не звучали рыданья.
На колѣняхъ стояли молча мать и отецъ.
Для ребенка окончились всѣ земныя страданья,
А у нихъ впереди страшный, страшный конецъ!

Не шептали имъ спутники праздныхъ словъ утѣшенья,—
Это было не время для заученныхъ фразъ.
Каждый грустно скрывалъ въ своемъ сердцѣ волненье,
Лишь росинками горе сквозило изъ глазъ.

Въ тѣсной, жалкой теплушкѣ печь давно догорѣла,
И въ окошки и щели холодъ сталъ проникать.
И руками озябшими сжавъ застывшее тѣло,
Тяжело и надрывно вдругъ заплакала мать...

КАНЪ.

I.

Голосъ князя въ тиши прозвучалъ:
„Было время, Уфимцы родные,
„Много славы я съ вами стяжалъ
„Въ наши чудные дни боевые,
„Много съ вами и горя дѣлилъ,
„Отступая съ тоской поневолѣ.
„Я всегда, какъ дѣтей, васъ любилъ,
„А кто знаетъ,—быть можетъ, и болѣ,
„И хотѣлъ бы я васъ провести
„По трущобамъ лѣснымъ безопасно
„И не дать вамъ погибнуть въ пути
„Безполезно, безславно, напрасно.
„Въ глушь безвѣстную мы забрели.
„Какъ пройти всѣмъ войскамъ безъ дороги?
„Мы одни-то пробраться бъ могли,
„Но за спутниковъ сердце въ тревогѣ:
„Какъ оставить въ обозахъ больныхъ,
„Нашихъ женъ и дѣтей безъ защиты?
„Развѣ можно не думать о нихъ,
„Коль и такъ они горемъ убиты!
„Имъ отъ красныхъ пощады не ждать:
„Только смерть прекратитъ ихъ мученья!
„Надо выхода дружно искать,
„Надо думать скорѣй о спасеньи.
„Мы дошли до конца тупика.
„Путь обратно отрѣзанъ врагами,
„И спасти насъ могла бъ лишь рѣка,
„Что за лѣсомъ лежитъ передъ нами.
„По льду этой застывшей рѣки
„Безъ помѣхи пройти бы могли мы,
„Но верстъ десять дремучей тайги
„Протянулось стѣной нерушимой!

„Видно, здѣсь не бывалъ человѣкъ:
„Ни единой тропинки не вьется!
„Не видать ни дорогъ, ни просѣкъ,—
„Намъ самимъ проложить ихъ придется,
„Это будетъ чудовищный трудъ,
„Онъ повергнетъ враговъ въ изумленье.
„Но я знаю, Уфимцы поймутъ,
„Что отъ нихъ ожидаютъ спасенья!
„Что жъ, ребята, за дѣло? Пора!
„Берегись же, тайга вѣковая!“
И въ отвѣтъ командиру „ура„
Пронеслось, его рѣчь покрывая...

II.

Чрезъ овраги, по сугробамъ, по пенькамъ,
По смолистымъ свѣжесрубленнымъ стволамъ,
По дорогѣ, вдругъ прорѣзавшей тайгу,
По колѣно въ за ночь выпавшемъ снѣгу
Мчатся кони, мчатся люди: шибче, ухъ!
Мчатся сани за санями во весь духъ.
Озабоченность вездѣ, куда ни глянь.
Скрипъ полозьевъ, громкій говоръ, шумъ и брань,
Стукъ копытъ и храпъ заѣзженныхъ коней,
Злые окрики измученныхъ людей...
Безконечной лентой тянется обозъ...
И чѣмъ дальше—тѣмъ сильнѣе жжетъ морозъ.

III

Костры горятъ по сторонамъ дороги,
Бросая свой зловѣще—тусклый свѣтъ.
Что это: явь или кошмарный бредъ?
Горитъ лицо и стынутъ, стынутъ ноги...

Глухая ночь. Все призрачно и странно.
Кругомъ бѣло, но мрачно до тоски.
Дорога наша это—грудь рѣки,
Рѣки обманчивой, живой, непостоянной

Вдоль берега идутъ, щетинясь лѣсомъ, горы,
Сжимая насъ какъ будто бы въ тискахъ.
И въ душахъ все растетъ неутишимый страхъ:
Канъ не замерзъ, на льду его—зажоры!

„Пройдемъ ли? Выдержитъ ли ледъ?“ гадаютъ люди
Саней полозья стали примерзать,
Ихъ то и-дѣло надо вырубать.
Уйдемъ ли? Стоитъ ли мечтать объ этомъ чудѣ?

Какой морозъ! А теплый кровъ—не скоро...
Нѣмѣетъ тѣло, жизнь уходитъ прочь...
Вокругъ—тайга. Вверху надъ нами ночь,
Внизу—рѣка и страшные зажоры!

КОНЕЦЪ ВОЖДЯ.

Сотню верстъ мы прошли. Конченъ Путь Ледяной,
Путь тяжелой борьбы и печали.
Цѣль достигнута, только—какою цѣной!
Сколько жизней опять потеряли!

Или вышли въ недобрый, проклятый мы часъ,
Или доля ужъ наша такая,—
И природа-то даже была противъ насъ!
Люди шли, на ходу замерзая.

Отставали. Безъ стоновъ валились, какъ снопъ,
И покоя такъ жадно желали,
Что въ подушку скорѣй превращали сугробъ
И съ восторгомъ на немъ засыпали.

Изъ примерзшихъ возковъ вынимали дѣтей,—
Медлить было нельзя ни минутки!
Ихъ сажали съ собою отцы на коней
И дрожали и стыли малютки!

Умирали больные въ открытыхъ саняхъ,
Ничего не просили—молчали.
И гнетущую жуть пробуждая въ сердцахъ,
Гдѣ-то волки вдали завывали.

...Конченъ путь. Вотъ и отдыхъ подъ крышей,
въ теплѣ,—
Сонъ безъ думъ, забытье и забвенье!
Ничего нѣтъ дороже на этой землѣ,
Въ этой мрачной юдоли мученья!

Переполнено людомъ большое село.
Нѣтъ сегодня воротъ на запорѣ,
И не знаетъ никто, что опять налегло
На несчастную армію горе!

Въ хмуромъ домѣ у церкви горятъ два окна,
Словно злые глаза привидѣнья,
И у входа большая тревога видна,
То-и-дѣло смѣняются тѣни.

Въ этомъ домѣ нашъ Каппель, смертельно больной,
Ночь печальную нынѣ проводитъ:
Погубилъ его Канъ, переходъ ледяной,
Это—жертва суровой природѣ!

Дрожь проходитъ порой у него по лицу,
И слезинка блеститъ на рѣсницѣ.
Но не жаль ему жизни, идущей къ концу,
И не страшно съ землею проститься.—

Вспоминаетъ онъ прошлые славные дни
И дѣла беззавѣтно лихія.—
„Отчего побѣдили не мы, а они?
„Отчего погибаетъ Россія?"

Но отвѣта на страшный вопросъ этотъ нѣтъ.
И сжимаются слабыя руки.
Слышенъ въ комнатѣ хриплый, приглушенный бредъ,
Стоны тяжкой безвыходной муки...

А на утро всѣ дальше, какъ прежде, пошли.
Отдохнувшія лошади ржали
И больного въ жару умирать повезли
Въ неизвѣстныя темныя дали...

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ.

Намъ сказали, что врагъ недалеко.
И едва покормивъ лошадей,
Мы отправились ночью глубокой
Изъ уснувшей деревни скорѣй.

Мы не спали четвертыя сутки
И опять приходилось не спать
И кошмаръ неизвѣстности жуткій
Вновь въ ту мрачную ночь испытать.

Безотрадныя, тяжкія думы
Силъ не стало уже отгонять,
А мужикъ, проводникъ нашъ угрюмый,
Насъ, казалось, замыслилъ предать.

По какимъ-то тропинкамъ насъ велъ онъ
И дорогу найти обѣщалъ.
Лѣсъ былъ дикаго ужаса полонъ,
Лѣсъ скрипѣлъ, завывалъ и стоналъ.

Въ бурной пляскѣ сибирской мятели
Помутилась небесная твердь.
И надежды совсѣмъ догорѣли,
И почудилась близкая смерть.

На разсвѣтѣ мы вышли къ дорогѣ,
Проводникъ же куда-то исчезъ.
И какъ будто въ тоскѣ и тревогѣ
Все шепталъ затихающій лѣсъ...

По опушенной снѣгомъ полянѣ
Утромъ тихо, устало мы шли.
Это утро въ кровавомъ туманѣ,—
Какъ его пережить мы могли?

Но, увы, и не всѣ пережили!
Помню: выстрѣлы... лица враговъ...
Насъ толпою они окружили...
Сердце сжалось... но не было словъ

Все погибло! Людей нѣтъ любимыхъ,
Только трупы въ крови на снѣгу...
Сколько пытокъ и мукъ нестерпимыхъ
Ждетъ теперь насъ на каждомъ шагу!

Не позволили даже проститься:
Подвергались глумленью тѣла...
О, за что насъ Господня десница
На *такой* крестный путь обрекла!

Все погибло. Но мы не рыдали.
Шли безмолвно, куда насъ вели.
Свое горе мы стойко скрывали
И святыню свою берегли!

Сосчитавъ, по санямъ разсадили,
Повезли, какъ сказали, въ тюрьму.
Ко всему безучастны мы были,
Погрузились въ душевную тьму.

...А *они*, затаивши обиду,
На полянѣ остались лежать...
И въ ночной темнотѣ панихиду
Стали волки по нимъ совершать...

КАМЕРЪ-ПАЖЪ.

Онъ стоялъ, какъ изваянье, бѣлый,
Ожидая скораго суда.
Въ тишинѣ безъ крыльевъ пролетѣло
Твердое, сухое „никогда“!

Чернымъ глазомъ ночь мигала въ окна.
Вѣтеръ вылъ, какъ спугнутый шакалъ.
Распускались тонкія волокна
Чьей-то жизни. Видно, часъ насталъ!

Онъ стоялъ, изысканный и стройный,
Въ давнемъ прошломъ—царскій камеръ-пажъ.
Отвѣчая, уронилъ спокойно:
„Что-жъ подѣлать, если я не вашъ!

„Не зовите! Лишни увѣщанья.
„Знаю все и ко всему готовъ.
„Не хочу тупого прозябанья,
„Презираю рабство у рабовъ!“

—Осторожнѣй! Въ чьей вы нынѣ власти?
Острый взглядъ. Но снова: „не боюсь!
„Для меня еднественное счастье—
„Умереть, разъ погибаетъ Русь!“

—Будто васъ прельщаетъ смертъ въ подвалѣ?—
Жуткій смѣхъ по нервамъ бьетъ бичемъ,
Но въ глазахъ все тотъ-же холодъ стали,
И угрозы также нипочемъ.

—Слушайте, упорствовать напрасно,
Вѣдь большой за вами нѣтъ вины,
Корабли сожгите, станьте краснымъ—
И ошибки будутъ прощены!

Въ тишинѣ слова, какъ будто звенья:
Жизни цѣпь могла бы стать длиннѣй.
„Мнѣ не нужно вашего прощенья“,—
Бросилъ плѣнникъ, ставъ еще блѣднѣй.

„Я стою предъ вами безоружный,
„Потерявъ на этомъ свѣтѣ все,
„Но отъ васъ мнѣ ничего не нужно:
„Жизнь пуста,—возьмите же ее!

„Гдѣ друзья, что были сердцу милы,
„Съ кѣмъ дѣлилъ парады и войну?—
„Всѣ давно нашли покой въ могилахъ
„Или ждутъ конца у васъ въ плѣну.

„Гдѣ мой домъ, гнѣздо мое родное?—
„Нѣтъ его... не вами ль сожжено?
„Какъ хорошъ нашъ паркъ бывалъ весною,
„Просто рай... а впрочемъ—все равно!

„Мать мою вы въ шахтѣ закопали.
„Говорятъ, былъ долго слышенъ крикъ.
„И узнавъ, съ ума сошелъ съ печали
„Мой отецъ: не перенесъ старикъ!

„Я любилъ... Была женой другого
„Та, что мнѣ казалась неземной...
„Я страдалъ, но не сказалъ ни слова,
„Чтобы не смущать ея покой!

„И ее настигла ваша злоба.—
„Помню взрывъ... расколотый вагонъ...
„А потомъ, упавъ на крышку гроба,
„Мы рыдали вмѣстѣ: я и онъ...

„Все прошло... И я не понимаю,
„Для чего я съ вами говорю.—
„Я—не вашъ, служить вамъ не желаю,
„Какъ служилъ бы моему Царю.

„О Царѣ вамъ слыщать, вижу, странно.
„Поскорѣй возьмите карандашъ,
„Запишите все, таить не стану:
„Я—гвардеецъ, бывшій камеръ-пажъ!

„Разсказать вамъ объ успѣхахъ въ свѣтѣ,
„О красивой жизни при дворѣ?
„Разсказать о милыхъ царскихъ дѣтяхъ,
„О больной царицѣ, о Царѣ?

„Поглядите,—вотъ моя святыня:
„Этотъ перстень Царь мнѣ подарилъ!
„Я носилъ, берегъ его донынѣ,
„Я, какъ талисманъ, его хранилъ!

„И его не дамъ вамъ, какъ хотите,—
„Онъ приросъ къ моей живой рукѣ.
„А умру—тогда хоть съ пальцемъ рвите
„Гдѣ нибудь въ подвальномъ уголкѣ!

„Знаю я, вы любите подвалы,
„Тьму и кровь. Я жду и не боюсь.
„Жизнь пуста, когда Царя не стало,
„Жизнь пуста, разъ погибаетъ Русь!“

Онъ умолкъ—изысканный и стройный.
Въ окна все мигала слѣпо ночь.
А потомъ раздѣльно и спокойно
На ходу онъ бросилъ: „Руки прочь!“

Слышалъ онъ, какъ за его спиною
Кралась смерть, тихонько, словно тать...
И зловѣщей огненной иглою
Въ тишину вонзилось:
„Разстрѣлять!“

ПАВШИМЪ РЫЦАРЯМЪ БѢЛОЙ СИБИРИ.

Гдѣ духомъ борьбы окрыленные,
Юные и закаленные,
Гордые и скромные герои,—
Гдѣ вы?

Безъ сзѣчъ, безъ молитвъ, безъ ладана
Ушли вы въ тотъ край неразгаданный,
Гдѣ носятся въ вѣчномъ покоѣ
Напѣвы...

Люди съ душою открытою,
Траурнымъ флером повитою,
Въ жертву себя принесли вы
Отчизнѣ,

Бились съ судьбой непреклонною —
Вѣчной тоскѣ обреченные—
И пали, уйдя красиво
Изъ жизни...

О, Русь, беззавѣтно любимая,
Безумьемъ и горемъ гомимая,
Гдѣ твои вѣрные слуги?
Спасти не сумѣли?

—Спятъ, спятъ мои рыцари смѣлые,
—Повѣнчаны съ Грезою Бѣлою
Подъ вопли сибирской вьюги
Въ снѣжной постели!

II.

У ЧУЖИХЪ БЕРЕГОВЪ.

ЖЕСТОКОЙ МАТЕРИ.

Россія... дивное магическое слово,
Какъ много сердцу можешь ты сказать!
Ты можешь ласково, ты можешь и сурово
Для насъ, тобой отверженныхъ, звучать.

Россія—древнее великое сказанье.
Россія—міръ иныхъ, далекихъ лѣтъ.
Россія—святости спокойное сіянье.
Россія—громъ торжественных побѣдъ.

Твоимъ былымъ не даромъ мы гордимся!
Намъ дорогъ сонъ про милый отчій домъ.
Къ Тебѣ душой всегда, вездѣ стремимся,
Съ Тобой, въ Тебѣ, хоть безъ Тебя живемъ!

Но не текутъ къ своимъ истокамъ рѣки,
И на снѣгу не выростутъ цвѣты.
И не забыть, не заглушить вовѣки
Ту боль, ту скорбь, что причинила Ты!

Россія—прошлаго ужасная страница.
Россія—дымъ, агонія и стонъ.
Россія—кровь, озлобленныя лица.
Россія—стыдъ поруганныхъ иконъ.

Ты насъ гнала на муки неземныя,
Швырнула насъ, какъ нищихъ, злой судьбѣ,
Но почему же такъ влечетъ къ Тебѣ
Сердца, Тобой разбитыя, Россія?

ПЕРЕКАТИ—ПОЛЕ.

Печальной осенью въ степи пустой и тихой
Видалъ ли ты когда катящійся клубокъ?—
Онъ мчится козыремъ, подпрыгивая лихо,
По замерзшимъ равнинамъ, безъ дорогъ.

Бѣжитъ, бѣжитъ—травою оплетенный,
Колючій, сѣрый, въ перьяхъ, въ волосахъ—
Такой живой, такой неугомонный
И все одинъ на старыхъ полосахъ.

Въ бурьянъ ли попадетъ, застрянетъ ли въ оврагѣ,-
Ужъ кажется, что нѣтъ, что сгинулъ безъ слѣда,
Анъ—буйный вѣтеръ вытолкнетъ бродягу,
И вновь стремится онъ, невѣдомо—куда.

Слѣдилъ ли ты порой въ родныхъ степяхъ безкрайныхъ
За бѣгомъ легкаго, пушистаго клубка?
Въ его движеньи и въ путяхъ случайныхъ
Не крылась ли особая тоска?

И не вставалъ ли рой сомнѣній смутный
На перекресткѣ дальнемъ предъ тобой:
О вѣчномъ странникѣ, о жизни безпріютной,
Объ участи гонимаго судьбой?—

И вотъ ты самъ—скиталецъ поневолѣ...
Случайно все—и отдыхъ, и ночлегъ...
Ну, развѣ ты не „Перекати-поле“
Въ огромномъ мірѣ, Русскій человѣкъ?

ШЕСТОЕ ДЕКАБРЯ.

Картины прошлаго воскресли предо мной
И память мнѣ встревожили не зря:
Сегодня вѣдь нашъ Праздникъ Войсковой,
Завѣтное Шестое Декабря!

Забыть ли мнѣ, какъ много лѣтъ назадъ,
Когда была Россія, цѣлъ былъ Домъ,
День этотъ былъ величественъ и святъ
И чтился изстари Сибирскимъ казакомъ.

Обширенъ нашъ степной казачій край,
Но духъ одинъ у всѣхъ, и въ этотъ день
Патронъ нашъ войсковой, Святитель Николай,
Всѣхъ призывалъ подъ храмовую сѣнь.

Вездѣ, вездѣ въ одинъ и тотъ же часъ
Въ соборахъ и церквахъ безчисленныхъ станицъ
Рвались молитвы ввысь, сіялъ иконостасъ,
И праздниченъ былъ видъ казачьихъ лицъ.

А послѣ—музыка и дружное „ура"...
Красивъ парадъ въ морозный зимній день!
Чубы казачьи завиты съ утра,
Папахи ухарски надѣты набекрень!

Гарцуютъ бойкіе киргизскіе коньки:
Они давно отлично знаютъ строй!
Вотъ и конецъ. Уходятъ казаки,
И все гремитъ отъ пѣсни удалой.

А вечеромъ за чаркою вина
Все та же пѣсня прадѣдовъ звучитъ:
Казачья память прошлому вѣрна,
Она ревниво прошлое хранитъ!

И вотъ теперь, подъ гнетомъ страшныхъ лѣтъ,
Уйдя съ тоской отъ близкихъ, отъ семьи,
Узнали мы холодный, чуждый свѣтъ,
Узнали мы всѣ горести земли...

Трудны, темны, невѣдомы пути.
Бороться и страдать назначено судьбой,
Но чрезъ мытарства всѣ должны мы пронести
Казачій духъ, свободный и лихой.

Пусть доступа намъ нѣтъ къ станицамъ дорогимъ,
Пусть далека желанная заря,
Но Праздникъ Войсковой за рубежомъ мы чтимъ
И помнимъ всѣ Шестое Декабря!

ТАБЛАКЪ.

Моя мать—казачка съ Урала.
Мой отецъ—сибирскій казакъ.
Часто—часто мать вспоминала
Степь родную и яркій таблакъ.

И съ Сибирской равнины унылой
Вдаль, тоскуя, стремилась душа:
Величавый Уралъ, сердцу милый,
Снился ей у водъ Иртыша.

Какъ привольно въ Уралѣ плескаться—
Духъ бодрѣе и тѣло свѣжей.
Надъ водой кое-гдѣ золотятся
И мелькаютъ коронки ужей.

Небо ярко, бездонно и сине.
На немъ солнце, что огненный знакъ.
А изъ трещинъ сожженной пустыни
Пробивается алый таблак!

Ширь, просторъ кругомъ безграничны.
Вѣетъ мощью отъ бурной рѣки.
Съ давнихъ поръ здѣсь къ раздолью привычны,
По старинкѣ живутъ казаки...

Проносились сны золотые,
А потомъ приходили опять...
Наяву же въ края дорогіе
Не вернулась покойница—мать.

Въ дни кровавой сибирской были
Растерзалъ ея сердце врагъ.
На ея одинокой могилѣ
Не растетъ уральскій таблакъ!

КАЗАКУ—ОТЦУ

Твой образъ всегда предо мной какъ живой,
Безумно любимый отецъ.
За что тебѣ посланъ жестокой судьбой
Такой безпощадный конецъ?—

Ты родину свято и вѣрно любилъ
И жертвъ для нея не считалъ,
Ты вѣрой въ ея возрожденіе жилъ,
Но гибель ея увидалъ!

Былъ стоекъ и храбръ въ неустанной борьбѣ
Въ тяжелые, злые года,
Но жизнью играя, ты лавровъ себѣ
Не ждалъ, не искалъ никогда:

Завѣты казачьи ты крѣпко хранилъ,
Въ бою былъ всегда впереди
И дерзкой отвагой съ лихвой заслужилъ
Свой бѣленькій крестъ на груди!

Ты выросъ среди Акмоллинскихъ степей
У сумрачныхъ водъ Иртыша,
И къ волѣ привыкнувъ, не знала цѣпей
Твоя огневая душа.

Товарищи .. кони... походы... война...
Скитанья съ младенческихъ лѣтъ...
И пѣсни родныя за чарой вина,
Которыхъ прекраснѣе нѣтъ.

Мятежная, бурная жизнь прожита,
Но взоръ твой былъ чистъ, какъ хрусталь.
Звѣздой путеводной горѣла мечта,
А сердце снѣдала печаль...

Могу ли забыть твой ужасный удѣлъ,
Страданій нѣмыхъ ореолъ?
Надежды разбились, весь міръ опустѣлъ,
Ты сдаться на милость врага не хотѣлъ
И гордо изъ жизни ушелъ.

И свой одинокій послѣдній пріютъ
Нашелъ ты въ тайгѣ вѣковой.
Тамъ звѣри надгробныя пѣсни поютъ
И древнія сосны твой сонъ стерегутъ,
Мой бѣдный отецъ и герой!...

ЗАВѢТЪ ОТЦА.

Прикорнувъ на ковровомъ мутакѣ,
Сжавъ молитвенно дѣтскія руки,
Я ловила въ сѣдом полумракѣ
Нараставшіе чудные звуки.

Мягкій голосъ, глубокій и сильный
Складно пѣлъ про казацкую волю,
Про кручину, про холодъ могильный
И про тяжкую дѣвичью долю;

Пѣлъ про войны и дикія скачки
Отдаленныхъ временъ богатырскихъ,
И про горе забытой казачки,
Про редуты въ равнинахъ Сибирскихъ;

Пѣлъ про то, какъ рубились татары,
Пѣлъ про смерть Ермака—атамана,
И рокочущій говоръ гитары
Былъ какъ гусли слѣпого Баяна...

Мое сердце, прожженное пѣсней,
Словно птица въ груди трепетало:
Мнѣ казалось, напѣвовъ чудеснѣй
И прекраснѣе словъ не бывало.

И полна благодарности гордой,
„Это—Русь“, я забывшись шептала.
И дрожа въ затихавшемъ аккордѣ,
Вдохновенная пѣснь умирала.

„Богъ мнѣ сына — наслѣдника не далъ“,—
И отцу я внимала съ тоскою,—
„Я бъ ему съ малыхъ лѣтъ заповѣдалъ
„Быть родимому краю слугою.

„Но роптать на свой жребій грѣшно мнѣ:
„Я счастливѣе быть не мечтаю...
„А тебѣ, моя дочка, запомни—
„Пѣснь родную любить завѣщаю!“

КОВЫЛЬ.

Сколько бъ лѣтъ ни жила на чужбинѣ,—
Дорога мнѣ отцовская быль.
Грусть о Родинѣ въ буряхъ не сгинетъ,
Не забудутся степь и ковыль.

Эхъ, зачѣмъ мнѣ заморскія страны!
Эхъ, зачѣмъ мнѣ чужая земля!
Все отдамъ за родные курганы,
За измѣнчивый шелкъ ковыля!

Не нужны мнѣ ни новыя лица,
Ни непрочный покой и уютъ:
Сердце властно обратно стремится,
Хоть года за годами идутъ.

Тянутъ вдаль за собою дороги,
Гдѣ столбомъ подымается пыль
И гдѣ вечеромъ мѣсяцъ двурогій
Серебритъ загрустившій ковыль...

ПѢСНЯ.

Посвящается Казачьимъ хорамъ.

Казакъ безъ пѣсни жить не можетъ, —
Безъ пѣсни скучно казаку!
Коль дума сердце растревожитъ—
Поетъ онъ, чтобъ прогнать тоску.

Когда въ скитаньяхъ онъ томится—
Поетъ о родинѣ своей,
Поетъ про милыя станицы
И на душѣ его свѣтлѣй,

Судьбой обиженъ неминучей,
Работой тяжкой изнуренъ,
Поетъ онъ про Иртышъ могучій,
Про бурный Терекъ, тихій Донъ,

Про воды мутныя Кубани,
Про буйно плещущій Уралъ,
Про битвы въ дикомъ Туркестанѣ,
Про морѣ славное Байкалъ.

О, пѣсня, изъ груди казачьей
Ты льешься вольною струей,
Любовью къ родинѣ горячей
Полна ты вѣчной и святой!

О, пѣсня, ты полна и муки;
Ты говоришь намъ о быломъ,
Твои серебрянные звуки
Возникли тамъ, въ краю родномъ.

Тамъ наши дѣды ихъ сложили
Во дни далекой старины,
А мы въ изгнаньи не забыли,
Преданьямъ прошлаго вѣрны!

И какъ ни тяжко на чужбинѣ,
Какъ наша доля ни горька,—
Вездѣ прославила отнынѣ
Ты, пѣсня, имя Казака!

ВЪ ГРОЗНЫЙ ЧАСЪ.

Труденъ путь въ этой скорбной юдоли...
Но однимъ мы гордиться должны:
Въ грозный часъ испытанья и боли
Казаки были долгу вѣрны!

Казаки не согнули колѣни,
Не пошли къ палачамъ на поклонъ,
А въ то страшное время измѣнѣ
Былъ кровавый алтарь посвященъ!

И хотя передъ войскомъ несмѣтнымъ
Устоять мы тогда не могли,
Но глумленій надъ самымъ завѣтнымъ
Не стерпѣли и съ боемъ ушли...

Мы бредемъ—одиноки въ пустынѣ...
Но нашь день долгожданный придетъ:
Вспомнитъ Мать объ отверженномъ Сынѣ
И очнувшись, въ тоскѣ позоветъ!

Смолкнутъ долгіе, тяжкіе стоны,
Стихнетъ горечь безсонныхъ ночей,
И вернутся въ родимое лоно
Дѣти вольнаго стараго Дона,
Дѣти горъ и казачьих степей!

*

* *

На Дону, на Кубани, въ Сибири
Необъятная степь хороша,
Но еще безпредѣльнѣй и шире
Удалая казачья душа!

На степи вѣковые курганы
Зорко клады свои стерегутъ,
Но вѣрнѣй старики—атаманы
Честь свою искони берегутъ!

Буйный вѣтеръ, ковыль разметая,
О дѣлахъ дней минувшихъ поетъ,
Но прекрасная пѣсня живая
Еще больше за сердце беретъ!

Тамъ, въ далекомъ краю нашемъ миломъ
Льются рѣки полны, глубоки,
Но нѣтъ глубже въ изгнаньи уныломъ
Неизбывной казачьей тоски!

ТѢНЬ ЕРМАКА.

Дремлетъ степь въ полуночномъ туманѣ.
Мракъ нависъ, и сердце страхъ томитъ.
Кто же тамъ высоко на курганѣ
Надъ рѣкой, задумавшись, стоитъ?

Не слыхать ни голоса, ни шума,
Нѣтъ вокругъ далеко ни души,
Только призракъ странный и угрюмый
Одиноко бодрствуетъ въ тиши.

Кто же онъ? Вдругъ мѣсяцъ, словно въ шутку,
Разорвалъ покровъ косматыхъ тучъ,
И предсталъ въ красѣ нездѣшне—жуткой
Древній витязь—строенъ и могучъ.

Ржава сталь чешуйчатой кольчуги,
Слышенъ скрипъ полуистлѣвшихъ латъ,
А глаза какъ будто въ зломъ недугѣ
Подъ шеломомъ сумрачно блестятъ.

Онъ одной рукою мечъ сжимаетъ,
А другую приложилъ къ очамъ.
Взоръ его въ нѣмой дали блуждаетъ
И чего то жадно ищетъ тамъ.

Видно, онъ охваченъ скорбью сильной,
Видно, онъ глубоко удрученъ.
Чу! раздался голосъ замогильный,
Вздохъ глубокій и протяжный стонъ.

„О, какъ, пусто здѣсь, на этомъ свѣтѣ!
„Оскудѣлъ цвѣтущій край степной
„И со дна промчавшихся столѣтій
„На него взираю я съ тоской.

„Надъ рѣкою этой я когда-то
„Побѣждалъ коварныхъ степняковъ
„И Сибирь отбилъ у супостата
„Для моихъ потомковъ—казаковъ.

„И своими вѣрными сынами
„Былъ любимъ и чтимъ я, какъ герой,
„Я жъ былъ гордъ ихъ смѣлыми дѣлами
„Да казачьей славой боевой.

„Но законъ блюдя ненарушимый,
„Безконечной лентой шли вѣка,
„И теперь въ странѣ моей любимой
„Позабыто имя казака!

„Гаситъ злоба старый бытъ казачій...
„Захудали тучныя поля.
„Хоть и кровью чистой и горячей
„Сотни разъ пропитана земля!

„Но не всѣ здѣсь головы сложили
„И не всѣ погибли подъ ярмомъ,
„Подчинившись темной вражьей силѣ:
„Много стойкихъ есть въ краю чужомъ!

„Отряхнувши прахъ безъ колебаній,
„Тѣ, кто крѣпче, изъ дому ушли
„И себя на долгія скитанья,
„На нужду и горе обрекли.

„Не померкнетъ пламя въ нихъ живое,
„Не заглохнетъ боль былыхъ обидъ.
„О, когда жъ ихъ путь, покрытый тьмою,
„Яркимъ свѣтом солнце озаритъ“?

Витязь смолкъ. Зашевелились тѣни...
И съ главы суровой снявъ шишакъ,
Опустился тихо на колѣни
На курганѣ—въ часъ ночныхъ видѣнiй,—
Атаманъ прославленный, Ермакъ!

КАЗАКЪ.

Кто тамъ на вышкѣ сторожевой
Стоитъ, глаза впёривъ во мракъ?
Это защитникъ земли родной,
Это—казакъ!

Его въ далекой, пустой степи
Подстерегаетъ лукавый врагъ.—
Кровью своей пески кропи,
Вѣрный казакъ!

Въ краю отбитомъ крѣпости строй,
Иди все дальше, за шагомъ шагъ!
Твоя отчизна горда тобой,
Славный казакъ!

Съ врагомъ столкнешься—не дрогнетъ грудь:
Свой братъ не выдастъ, а смерть—пустякъ!
Въ лихой атакѣ весь міръ забудь,
Руби, казакъ!

Въ душѣ—отвага. Въ очахъ—огонь.
Подруга—шашка. При ней—темлякъ.
Сѣдло съ наборомъ. Горячій конь.—
Удалъ казакъ!

Въ весельи дома онъ знаетъ толкъ:
Кто лучше спляшетъ лихой гопакъ?
Спокойна совѣсть. Исполненъ долгъ.—
Пляши казакъ!

Придетъ ли въ гости тоска—змѣя,
Подастъ ли тихо тревожный знакъ, —
Спой пѣсню дѣдовъ, въ ней и твоя
Душа, казакъ!

И если бъ даже пришлось тебѣ
Надолго кинуть родной очагъ,
Будь бодръ, и вѣренъ, и твердъ въ борьбѣ,—
Терпи, казакъ!

Пусть сердцу больно—не говори!
Вѣдь ты въ походѣ! Разбей бивакъ
И въ горѣ Бога благодари,
Что ты—казакъ!

ДОРОГА СМЕРТИ.

Рыдалъ и голосилъ буранъ,
Окутавъ небо липкой мглою,
А по пустынѣ Атаманъ
Велъ войско вѣрное родное.

Уральцы шли въ чужую даль,
Покинувъ гнѣзда вѣковыя,
Неся въ душѣ своей печаль
И по себѣ, и по Россіи.

Тонули по поясъ въ снѣгу.
Замерзшихъ тотчасъ заносило.
Но сдаться лютому врагу —
Такая мысль не приходила!

Пусть жизнь изгнанника тяжка,
Пусть страшенъ путь средь зимней стужи,
Пусть сердце мучаетъ тоска, —
Утратить честь казачью хуже!

Все дальше отъ родной земли...
Къ станицамъ больше нѣтъ возврата:
Свои дома они пожгли,
Чтобъ не достались супостату!

*

*   *

Вдоль степи растянулся станъ.
Къ чему мечтать о тепломъ кровѣ?
Въ заботѣ тяжкой Атаманъ
Сомкнулъ нахмуренныя брови.

„На гибель мы обречены...
„Кому повѣдаю тревогу?
„Вѣдь мнѣ всѣ жизни вручены
„И въ нихъ отдамъ отчетъ я Богу"...

И средь дымящихся костровъ
Одинъ Хозяинъ Войска бродитъ.
И все кругомъ, безъ дальнихъ словъ,
На думы мрачныя наводитъ.

*

*   *

Вотъ конь, трепещущій костякъ,
Въ сугробѣ вязкомъ издыхаетъ,
А рядомъ сумрачный казакъ
Его голубитъ и ласкаетъ:

„Нѣтъ больше у меня коня,—
„Прощай навѣкъ, слуга примѣрный!
„Меня носилъ ты изъ огня,
„Спасалъ не разъ отъ смерти вѣрной,

„А я не могъ, не могъ спасти
„Тебя, измученнаго друга,
„И оставляю на пути,
„Чтобъ занесла степная вьюга".

*

* *

Вотъ у потухшаго костра
Толкуютъ двое. Слышно слабо:
„Матвѣй, утѣшиться пора!
„Скажи, казакъ ты или баба?

„Своей ты волей шелъ въ походъ,
„И нынѣ плакать не годится.
„Коли поможетъ намъ Господь,—
„Вернемся цѣлыми въ станицы."

—Нѣтъ, Артамонычъ, я врагу
Руки вовѣкъ не поцѣлую,
Да что жъ подѣлать, не могу
Забыть хозяйку молодую!

Не въ силахъ я ни ѣсть, ни спать,
И жизнь мнѣ кажется постылой.
Охъ, чуетъ сердце, не видать
Ни дома, ни казачки милой! —

Старикъ замолкъ, а молодой
Сидѣлъ, понурившись устало...
Гудѣла степь и волчій вой
Съ недобрымъ смѣхомъ повторяла...

*

* *

Чей голосъ въ воздухѣ дрожитъ
И въ мукѣ будто къ небу рвется?
И Атаманъ туда спѣшитъ,
Откуда жалкій плачъ несется.

Рядъ хмурыхъ, сдержанных людей
У крытой войлокомъ кибитки.
Два дѣтскихъ трупа видно в ней
И тамъ же—скудные пожитки.

Молчитъ отецъ, рыдаетъ мать.
Далеко слышны причитанья.
Какъ скоро имъ пришлось узнать
Изнанку горькую изгнанья...

*

* *

Все дальше, скорбью обуянъ,
Не находя нигдѣ покоя,
Дорогой Смерти Атаманъ
Идетъ, поникнувъ головою.

Страданья крѣпко затаивъ,
Въ саняхъ больные умираютъ,
То ненасытный демонъ—Тифъ
Безъ счета жертвы поглощаетъ.

Болѣзнь и голодъ... холодъ... жуть...
И отмороженныя ноги...
Скорѣй, скорѣй бы отдохнуть,
Уйти въ небесные чертоги!

И не понять, и не помочь,—
На все—судьба иль Божья милость...
О, наконецъ-то эта ночь
Печальнымъ утромъ разрѣшилась.

Зашевелились казаки,
Могилы наскоро копали
И съ очерствѣлостью тоски
Умершихъ снѣгомъ засыпали.

И снова шли... упорно шли
Дорогой Смерти неизбѣжной,—
Все дальше отъ родной земли
Въ пустынѣ страшной и безбрежной.

И крылья черныя Бѣды
Надъ Войскомъ мрачно развернулись,
Казачьи таяли ряды:
Уральцы гибли... но не гнулись!

*

* *

Братъ брату тихо говорилъ:
„Охъ, свой конецъ я вѣрно чую.
„Какъ тяжко мнѣ, нѣтъ больше силъ,
„И быть обузой не хочу я.

„Ты дальше не вези меня—
„Другому мѣсто уступаю,
„Вѣдь близко—близко смерть моя,
„Молчи, не спорь, я это знаю!

„Эхъ, намъ съ тобой не по пути:
„Изъ строя выбылъ я до срока.
„Возьми жъ меня, перекрести
„И брось лежать въ снѣгу глубокомъ."

Братъ брата въ войлокъ завернулъ,
Братъ съ братомъ молча попрощался.
Больной не вздрогнулъ, не вздохнулъ
И умирать одинъ остался!..

*

* *

А тѣ все шли... Курилась степь
Подъ звуки пѣсни погребальной.
Все рѣже становилась цѣпь,
Все жутче видъ чужбины дальней.

Куда? Зачѣмъ? Не все ль равно,—
Къ станицамъ больше нѣтъ возврата.
Пускай погибнуть суждено,—
Лишь бы не сдаться супостату!

О, вы, кто тягостный походъ
Перенести сумѣли—вѣрьте,
Въ потомствѣ память не умретъ
О ледяной Дорогѣ Смерти.

Наполнятъ гордостью сердца
Страницы скорбно—славной были:
Хоть мукамъ не было конца,
Но казаки не измѣнили!

ЗОВЪ.

Стонетъ могучій Иртышъ,
Роетъ волной крутизну.—
Сердце казачье, не спишь
Въ долгомъ невольномъ плѣну?

Мечется, рвется рѣка,
Буйно швыряясь шугой.
Не притупила ль тоска
Память о жизни иной?

Вѣтеръ съ далекой степи
Тысячи верстъ пролетѣвъ,
Шепчетъ: „Еще потерпи,
„Выноси праведный гнѣвъ.

„Пепелъ сожженныхъ домовъ
„Я разметалъ по лѣсамъ,
„Чаша полна до краевъ,
„Кровь вопіетъ къ небесамъ!"

Помнишь счастливые дни?
Складка легла на челѣ.
Ухо, казакъ, приклони
Къ вѣщей и гудкой землѣ.

Грудь всколыхнулась твоя,
Легче томительный гнетъ?
Слышишь, родная земля
Издали сына зоветъ!

НА ЧУЖБИНѢ.

Пѣсня Сибирскихъ казаковъ.

Насъ много разсѣяно въ мірѣ,
Въ недолѣ мы тяжкой живемъ.
Мы—дѣти могучей Сибири
И гордо страдаемъ, и ждемъ.

На подвигъ всегда мы готовы,
Намъ славы былой не забыть.
Радъ каждый безъ лишняго слова
За Родину жизнь положить.

Часъ близокъ, и солнце проглянетъ,
Разгонитъ дурманящій мракъ,
И снова душою воспрянетъ
Сибирскій свободный казакъ!

Спадутъ долголѣтнія цѣпи,
И павъ предъ иконою ницъ,
Уйдемъ въ Акмоллинскія степи
Подъ сѣнь опустѣлыхъ станицъ!

Такъ спите жъ спокойно, герои,
Чью доблесть и помнимъ, и чтимъ,
А мы свое Войско родное
Врагамъ погубить не дадимъ!

КАЗАКУ ВЪ РАЗСѢЯНІИ.

Хоть и нѣтъ у тебя твоей шашки стальной
И взамѣнъ „ермаковки"—пиджакъ,
Но ты чуешь своей непомеркшей душой:
И въ неволѣ ты—вольный казакъ!

Хоть и нѣтъ у тебя боевого коня
И пропало съ наборомъ сѣдло,
Твою удаль въ заботахъ угрюмаго дня
Ураганомъ тоски не смело!

Хоть къ станицамъ давненько тропы заросли
И цыганское тошно житье,
Все же гордо отъ края до края земли
Несъ ты имя казачье свое.

Ты какъ будто не тотъ: складки горя на лбу
И улыбки почти не видать,
Но по первому зову готовъ на борьбу
За несчастную Родину—Мать.

Пусть тебя до сихъ поръ и преслѣдовалъ рокъ,
Пусть неровенъ и труденъ былъ шагъ—
Не сдавайся и знай: не безъ милости Богъ,
Не безъ счастья и вѣрный казакъ!

ОДИНОКАЯ.

Горько сжаты поблекшія губы,
Мутенъ взглядъ много плакавшихъ глазъ,
Руки темныя сухи и грубы
И безстрастно лицо: на показъ!

Цѣлый день маета и работа,
Чтобы домъ и дѣтей поддержать,
А печальныя думы безъ счета
Не даютъ по ночамъ отдыхать.

Ломитъ голову, будто въ горячкѣ,
Снятся страшные, вѣщіе сны.
Тяжела же ты, доля казачки,
Не вдовы, а безмужней жены!

Тошно ей: опустѣла станица,
Сталъ далекимъ привычный міръ,
Косо смотрятъ враждебныя лица,
Слышенъ часто ехидный намекъ.

Письма издали кратки и рѣдки,
И тревогѣ ея нѣтъ конца.
Годъ за годомъ проходитъ,—ужъ дѣтки
Плохо помнятъ родного отца!

Но она не забудетъ скитальца
Жутко ей, словно въ темномъ гробу,
И дрожащіе женскіе пальцы
Въ крестномъ знаменьи жмутся ко лбу.

И молитва звучитъ, какъ рыданье:
„Боже! милость Твоя велика,—
„Пощади моего казака,
„Сократи ему время изгнанья!“

ТОСКА.

Опять весна,—еще одна весна
Вдали отъ родины неласковой, но милой!
Тоской—печалью грудь моя полна,
И прошлое встаетъ, какъ призракъ изъ могилы.

Ужъ сколько лѣтъ безплодно протекло,
Ужъ сколько горя молча пережито
И много грезъ несбывшихся ушло,
А то, что было *тамъ, тогда* не позабыто.

Все испытать пришлось: борьбу, кошмаръ потерь,
Когда все лучшее жестоко въ грязь топтали,
Когда захлопнулась за нами глухо дверь,
Дверь нашей родины! Бездомными мы стали!

И рана тяжкая намъ всѣмъ нанесена,
Она болитъ, все время кровоточитъ.
Ахъ, что за дѣло мнѣ, что новая весна
И отогрѣть, и приголубить хочетъ.

Не все ли мнѣ равно, что блещутъ ужъ цвѣты
По берегамъ Луары иль Дуная?
Не все ли мнѣ равно, что поплыли плоты
По Нѣману, другъ друга обгоняя?

Не все ли мнѣ равно, что въ Лондонѣ газонъ
Въ опрятныхъ скверахъ сочно зеленѣетъ,
Не все ли мнѣ равно, что солнцемъ опьяненъ,
Надъ тусклой Шпре почтенный бюргеръ млѣетъ?

Не все ль равно! Пусть дивно хороша
Весна вездѣ,—мнѣ здѣсь она постыла!
Туда бы вотъ теперь, на берегъ Иртыша,
Гдѣ столько счастья пережито было!

Эхъ, въ степи бы скорѣй! Вдохнуть родную ширь,
Киргиза осѣдлать, и вдаль помчаться птицей!
Увижу ли когда знакомыя станицы,
Увижу ли тебя, любимая Сибирь?

ИЗЪ ПИСЬМА.

(Е. П. Березовскому).

Спасибо Вамъ, за Вашъ привѣтъ далекій.
Мнѣ Ваша ласка цѣнна и нужна.
Повѣрьте, что давно душой я на Востокѣ,
Хоть жить на Западѣ судьбой обречена!

Моя оторванность всегда меня томила
И по своимъ я мучилась тоской,
Но нить незримая насъ вновь соединила,
И я опять въ кругу семьи родной.

Грустила я... и тихой пѣсни звуки
До слуха братьевъ какъ-то донеслись
И черезъ грани дружескія руки
Съ моей въ пожатьи радостномъ слились.

Былъ оцѣненъ, былъ признанъ мой горячій
Взволнованный и искренній порывъ.
Хоть тяжекъ крестъ судьбы нашей бродячей,
Пусть знаютъ всѣ, что прежній пылъ въ насъ живъ!

Мои слова непышныя, простыя
Проникли все жъ въ усталыя сердца,
Разбитыя тоскою по Россіи
И по привычномъ знамени бойца.

Жизнь для меня уже намного краше
И легче путь въ немилой сторонѣ:
Вы знаете, что я и муза—ваши,
И знаю я, что помнятъ обо мнѣ.

. . . .

Спасибо Вамъ за тѣ изображенья
Давно покинутыхъ знакомыхъ мѣстъ родныхъ.
Спустилась я ступенька за ступенью—
Въ тотъ свѣтлый міръ, что навсегда затихъ.

Глазамъ не вѣрится. Съ волненіемъ гляжу я:
Вотъ городъ милый съ давнихъ, давнихъ поръ.
Я вижу вновь святыню войсковую,
Казачій Николаевскій соборъ

И нашу гордость—корпусъ величавый—
Многооконный каменный фасадъ.
Онъ сотню лѣтъ воспитывалъ со славой
Родному войску молодыхъ орлятъ.

И думы тянутся безкрайной вереницей,
Все дальше въ прошлое уносятся со мной...
Вотъ въ солнечномъ свѣту любимая станица,
Течетъ Ишимъ подъ желтой крутизной.

Здѣсь такъ свѣжо и въ душную погоду.
Нестроенъ крикъ ныряющихъ ребятъ.
На берегу столпились огороды,
Изъ-за плетня подсолнухи глядятъ.

Старикъ Антипъ рыбачитъ подъ обрывомъ.
Въ водѣ торчитъ помятое ведро,
А въ немъ сверкаетъ нѣжнымъ переливомъ
Язей наловленныхъ живое серебро.

А за рѣкой раскинулась въ покоѣ
Родная степь, какъ море широка...
О, гдѣ же ты, приволье вѣковое
Свободнаго, какъ вѣтеръ, казака?

. . . .

Померкла явь. Картина за картиной
Отчетливо и ярко предстаетъ:
Суровость горъ, зубчатыя вершины
И дикій шумъ несущихъ камни водъ.

Лукавый глазъ застывшаго Китая
Глядитъ на насъ чрезъ горные хребты.
То тутъ, то тамъ, границу охраняя,
Казачьи пораскинулись посты.

И эхо гулкое звучитъ казачьей рѣчью
Въ преддверьи чуждых, заповѣдныхъ странъ.
Ну, не житье ль въ обильномъ Семирѣчьи:
Джаркентъ... Хоргосъ... и радостный Тышканъ...

Наметъ коней... и пики.. и винтовки...
Лихой задоръ заломленныхъ папахъ...
Стрѣльба... призы... ученья... джигитовки...
И соловьи въ запущенныхъ садахъ...

Пески пустынь.., веселыя охоты
По берегамъ Или на кабана...
А тамъ—походъ домой, въ Сибирь на льготу...
Такъ было... А потомъ надвинулась война...

. . . .

Перевернулась новая страница:
Покой смѣнилъ кровавый пиръ боевъ,
И войско русское всегда могло гордиться
Отвагою Сибирскихъ казаковъ!

Они головъ удалыхъ не жалѣли
И жертва лишняя была для нихъ не въ счетъ.
И сталъ привычнымъ жуткій свистъ шрапнели
И жизнь окопная, и топь гнилыхъ болотъ.

Дрались на западѣ съ германцами три года,
На югѣ съ турками пришлось повоевать,
И ни аскеръ, ни дикая природа
Казачій шагъ не смѣли задержать.

Намъ не забытъ побѣднаго экстаза,
Полки сибиряковъ онъ сразу отличилъ.
Ихъ даже самъ Верховный Вождь Кавказа
„Желѣзною бригадой“ окрестилъ!

А послѣ... страшное, безумное крушенье.
Былая мощь навѣкъ потрясена.
И вотъ во мракъ, позоръ и разграбленье
Погружена несчастная страна...

На фронтѣ дѣла больше ужъ не стало.
Ушли домой казачіе полки.
Но грянулъ кличъ—и вся Сибирь возстала
И вмѣстѣ съ ней—лихіе казаки!

Опять война. Борьба за возрожденье
И счастье родины. Блестяшія дѣла.
А дальше... дальше ужасъ отступленья.
Едва взойдя—звѣзда наша зашла!

. . . .

Мы на чужбинѣ. О, какъ монотонна,
Печальна жизнь, какъ мучаетъ тоска!
И только наши старыя знамена
Намъ говорятъ о прошломъ казака.

Мы на чужбинѣ. Стонемъ, но не гнемся.
Коль живы мы—намъ, значитъ, надо жить!
И съ вѣрой въ лучшее въ изгнаньи мы клянемся
Свое лицо казачье сохранить!

У ТРІУМФАЛЬНОЙ АРКИ.

„Честь возжечь лампаду на могилѣ Неизвѣстнаго Солдата въ Парижѣ выпала 6 сентября 1930 г. на представителей казачьих частей, проживающихъ въ Парижѣ“ (изъ газетъ).

Гляди, Парижъ, ихъ годы не сломили,
Ихъ бодрый духъ въ изгнаньи не угасъ,
Они вѣрны своей исконной были,
И тотъ же все огонь открытыхъ глазъ.

На зовъ вождя слетѣлись отовсюду,
Прогнавъ усталость, прямо отъ станка,
И ты, Парижъ, привѣтствуешь, какъ чудо,
Не сонъ, не мифъ—живого казака!

Дивись, дивись, французская столица.
Притихла вдругъ вся площадь Этуаль.
Они идутъ. Ихъ много. Свѣтлы лица
И съ нихъ сошла обычная печаль.

Забыто все: и что живется тяжко,
И что весь міръ къ нимъ равнодушенъ сталъ,—
Вѣдь стоитъ жить, коль на боку есть шашка
Иль вѣрный другъ—испытанный кинжалъ.

Парижъ, Парижъ! степей далекихъ дѣти
Пришли къ тебѣ—вѣдь ты имъ не чужой!
И за тебя въ кошмарѣ лихолѣтій
Они сражались въ пляскѣ огневой!

Желѣзныхъ полчищъ силу привлекали
Они къ себѣ. Безстрастенъ судъ временъ:
Болота Польши трупы поглощали,
Но... устоялъ истерзанный Верденъ.

Безцѣнна кровь, и подвиги былые,
И жизнь и смерть... Но больше пышныхъ словъ
Нежданный кличъ „Да здравствуетъ Россія"
Согрѣлъ ея измученныхъ сыновъ.

Имъ онъ напомнилъ живо о страданьи,
О грозныхъ дняхъ, о славѣ, о войнѣ,
О счастьи, о семьѣ, о горестномъ изгнаньи,
О милой, но далекой сторонѣ.

И снова взоръ подернулся тоскою.
Но цѣль близка, не время горевать:
Могилѣ Сѣраго Безвѣстнаго Героя
Они пришли послѣдній долгъ отдать.

Великій мигъ, его постигнуть надо!
Молчатъ цвѣты роскошнаго вѣнка...
И вотъ уже затеплена лампада
Рукою русскагоскитальца—казака!

НА СМЕРТЬ АТАМАНА.

Онъ въ землю родную уже не вернется
И милаго Дона ему не видать.
Казачье кристальное сердце не бьется,
Оно отстрадало... устало страдать...

Онъ дѣдовской пѣсни уже не услышитъ,
Коня не потреплетъ по шеѣ крутой,
Онъ вольною грудью въ степи не подышитъ
И съ вѣрой въ побѣду не бросится въ бой.

Не солнце ль садится все ниже и ниже?
Не гуще ль становится жизни туманъ?
Въ роскошномъ, холодномъ и чуждомъ Парижѣ
Нашелъ свой послѣдній пріютъ Атаманъ!

Что скажутъ сыны тихоструйнаго Дона,
Какъ смогутъ оплакать потерю свою?
Кто будетъ вести такъ, какъ онъ неуклонно
Всегда къ единенью казачью семью?

Бѣда ли случалась какая нежданно,
Заботилъ ли важный насущный вопросъ,—
Сомнѣнья, тревогу, все—все Атаману
Казакъ, какъ отцу справедливому, несъ!

Гдѣ могъ, помогалъ онъ, душой былъ со всѣми—
И другъ, и начальникъ, совѣтникъ и врачъ.
Въ какое тяжелое, смутное время
Достался ему атаманскій перначъ!

Оставлена родина. Въ свѣтѣ широкомъ
Вездѣ распылились давно казаки,
Но всѣ управлялись недреманнымъ окомъ
И росчеркомъ твердой, ведущей руки.

И годы тянулись, и множилось горе...
Серебряной сѣтью легла сѣдина...
А онъ не сдавался, съ напастями споря:
Одна была воля и вѣра одна!

Но зависти черной встрѣчалось не мало
И мучила боль незаслуженныхъ ранъ.—
И сердце страдало... и сердце устало...
И очи смежилъ навсегда Атаманъ.

Чу! это не вѣтеръ—напѣвъ погребальный
Плыветъ и гудитъ, разрывая сердца:
Въ столицѣ чужой провожаютъ печально
Россiи слугу, Казака и Донца...

Изъ Дона воды ужъ ему не напиться,
Въ привольной степи глубоко не вздохнуть.
Жизнь кончена. Тихо чужая землица
Прикроетъ усталую вѣрную грудь!

ПАМЯТИ А. П. БОГАЕВСКАГО.

Какъ счастливъ тотъ, кто путь пройдя тяжелый,
Нигдѣ, ни въ чемъ себѣ не измѣнялъ,
Въ комъ злая жизнь души не расколола,
Не помрачила вѣчный идеалъ.

Какъ счастливъ тотъ, кто въ скудости безмѣрной
Умѣлъ давать рукою богача,
Чей голосъ твердъ, чье слово было вѣрно
И преданность Россіи горяча.

Какъ счастливъ тотъ, кто, начертавъ открыто
На знамени: Честь, Родина и Долгъ,
Звалъ стойкихъ за собой, бодрилъ судьбой забитыхъ,
Стучалъ, будилъ... доколѣ не умолкъ!

Мы всѣ идемъ къ Великому Обрыву:
Что дальше шагъ—то ближе страшный часъ.
Но тотъ блаженъ, кто прожилъ жизнь красиво
И въ комъ огонь до смерти не погасъ!

Какъ бренно все и какъ непостоянно!
Скитаній дни сотрутся безъ слѣда.
Пройдемъ и мы... Но образъ Атамана
Переживетъ тяжелые года!

ПАМЯТИ КОРНИЛОВА.

Много намъ отпущено страданья,
И не стало бъ силъ перенести,
Если бы въ глухой ночи изгнанья
Не сіяли звѣзды на пути!

Не сбылась мечта о свѣтломъ чудѣ...
Далеко родимая страна...
Но какіе были съ нами люди,—
Господи, Ты вѣси имена!

Сколько ихъ въ безвременной могилѣ,
Рыцарей Терноваго Вѣнца!
Русь, вздохни, тебя они любили
И съ тобой пребыли до конца!

И теперь сквозь дымъ воспоминаній
Душу жжетъ тоскою, не щадя,
День, когда на берегу Кубани
Смерть скосила нашего вождя...

Тяжело живется и уныло,
И вопросъ преслѣдуетъ больной:
Отчего такъ рано палъ Корниловъ,
Славою овѣянный герой?

Можетъ быть все было бы иначе...
Онъ умѣлъ водить и вдохновлять,
И не зналъ, что значитъ „неудача“,
И постигъ науку побѣждать!

Это онъ зажегъ святое пламя,
Окрылилъ измученныхъ людей
И пошелъ съ немногими полками
На защиту родины своей.

Можетъ быть въ рукѣ его желѣзной
Былъ залогъ рѣшительныхъ побѣдъ...
Он погибъ. Ликуетъ Звѣрь изъ Бездны
И молчитъ... Молчитъ кругомъ весь свѣтъ.

Онъ погибъ. Несли за нимъ другіе
Крестъ неравной, тягостной войны,
И ушли, не сладивъ со стихіей,
Изъ родной безжалостной страны...

Много лѣтъ утрачено въ скитаньи.
Но пора желанная придетъ,
И о томъ, что было на Кубани,
Русскій пѣсню сложитъ и споетъ.

Быль жива. И не завяли лавры.
Не засохло сердце отъ тоски.
Грянутъ снова трубы и литавры,
Оживутъ нетлѣнные полки!

Встрепенутся молодой и старый,
Вспоминая Ледяной Походъ,
И пойдутъ къ Екатеринодару,
Чтобъ воздать Корнилову почетъ.

И пробьетъ великая минута:
Встанетъ тотъ, кто здѣсь когда-то палъ,
И взойдетъ подъ долгій громъ салюта
На гранитный, вѣчный пьедесталъ!

НАРОДУ РУССКОМУ.

Народъ—богоносецъ, народъ—богоборецъ,
Народъ—душегубецъ, народъ миротворецъ,
Кто сможетъ тебя разгадать?

Рукою кровавой все рвешь и ломаешь,
А послѣ, какъ мытарь, смиренно рыдаешь
И въ душу зовешь благодать.

Пытливы твои ненасытные взоры.
Ты хочешь подъ стать быть родимымъ просторамъ
И мчишься впередъ безъ узды.

Ты мѣры не знаешь ни въ лѣни, ни въ рвеньи,
Ты святъ и прекрасенъ въ своемъ всепрощеньи
И страшенъ подъ хмелемъ вражды.

Душой исполинской, душой многогранной
Дивишь ты не мало сосѣднія страны:
Чужимъ непонятна она.

Въ тебѣ есть могучее, вѣчное что-то:
Размахъ дерзновенный орлиннаго взлета
И холодъ провала безъ дна!

Ты замеръ, въ кошмаръ погруженный глубокій,
Но время идетъ, приближаются сроки
И міръ недовѣрчиво ждетъ:

Какими жъ, очнувшись, пойдешь ты путями?
Какое, какое поднимешь ты знамя,
Отъ сна пробужденный народъ?

ПРИЗРАКЪ НОЧИ.

Когда тоска придвинется вплотную,
Наполнитъ кубокъ горечью полыни,
И я до ужаса отчетливо почую,
Что лишній я, что я—одинъ въ пустынѣ;

Когда раскроются несросшіяся раны
И крикъ замретъ въ глухой ночи безсонной,—
Она, Родная, выйдетъ изъ тумана
И тихо-тихо станетъ подъ иконой.

Не ликъ боярыни, дородный и румяный,
Съ улыбкой бѣглою въ мою заглянетъ душу,—
Нѣтъ, блѣдный ликъ, страданьемъ осіянный,
Съ глазами темными, что мучаютъ и сушатъ.

На головѣ не будетъ пышной кики,
Въ узоръ расшитой жемчугомъ отборнымъ,—
Въ смиреніи и горести великой
Сѣдые волосы она прикроетъ чернымъ...

И не въ собольемъ царственномъ шугаѣ
Придетъ она, не въ алыхъ полсапожкахъ, —
Въ посконномъ платьѣ, нищая, босая
И подопрется локтемъ у окошка.

Не заблестятъ алмазные поднизки,
Не зазвенятъ заморскія запястья,
Но на меня повѣетъ чѣмъ-то близкимъ
И оживетъ мечта о дивномъ счастьѣ.

Въ ночи глухой, безстрастной и холодной
Польются горько бабьи причитанья:
„Пришла къ тебѣ, сыночекъ мой безродный,
„Благословить на подвигъ и страданье!

„Не умеръ Богъ,—не вѣнчанъ ты съ чужбиной!
„Пора придетъ—живи не унывая."—
И проплыветъ походкой лебединой,
Меня крестомъ дрожащимъ осѣняя...

ДОНЪ-КИХОТЪ.

Насъ вездѣ окружаютъ іуды,
Съ поцѣлуемъ за грошъ продаютъ.
Мы судьбою развѣяны всюду,
Мы несчастьями скручены въ жгутъ.

Сѣти жизни коварны и тонки,
А исторіи безжалостенъ ходъ.
Мы идемъ, а за нами вдогонку
Словно эхо гремитъ: „Донъ-Кихотъ!“

Блѣдный рыцарь Безцѣнной Потери
Безотвѣтенъ, осмѣянъ и нищъ.
Передъ нимъ затворяются двери
Комфортабельныхъ, чуждыхъ жилищъ.

Гнѣвъ его непонятенъ, ненуженъ,
Не нужна и его правота.
Пожимаются плечи: „Тѣмъ хуже!“
И злорадно кривятся уста.

Блѣдный рыцарь одинъ въ чистомъ полѣ,
Позабытый живой человѣкъ...
Но не выше ль изгнанника доля
Доли косныхъ, ослѣпшихъ калѣкъ?

И хоть тѣло и проситъ покоя,
Хоть нужда безконечно гнететъ,—
Свое сердце, обидой больное,
Въ чистотѣ сохранилъ „Донъ-Кихотъ“!

Пусть толкаютъ ехидно и грубо,
Пусть преслѣдуетъ рой неудачъ,—
Ни полслова, молчи, стисни зубы
И тоску свою глубже запрячь!

ЛИРА.

„Отчего такъ печально, такъ тихо звучитъ ваша лира?
„Отчего въ вашихъ пѣсняхъ нѣтъ праздничныхъ строфъ,
нѣтъ огня?
„Отчего вы чуждаетесь шума широкаго міра?“—
Такъ однажды спросили меня.—

„Отчего въ ваши годы вы странно всегда одиноки,
„И за каждой улыбкой я слезы могу угадать наизусть?
„Вѣдь и такъ безвозвратны и кратки намъ данные сроки,-
„Прогоните жъ унынье и вашу ненужную грусть!

„Мнѣ васъ жаль: не идутъ эти тонкія, бѣлыя нити,
„Что кой-гдѣ протянулись, къ чертамъ молодого лица.
„Жизнь не такъ ужъ несносна, вы только получше
взгляните,
„И ловите мгновенья, ловите часы, безъ конца!“

Что сказать мнѣ, о, Боже, о тихой, нерадостной лирѣ,
Что сказать мнѣ о взорѣ, всегда замутненномъ тоской,
Что сказать и объ острой, жестокой, тяжелой сѣкирѣ,
Занесенной всегда надо мной?—

Холодъ стали—тоски я до боли, до слезъ ощущаю,
И усталое сердце не хочетъ минутныхъ отрадъ.
И пока нѣтъ дороги къ родному далекому краю,
Пусть дрожащія струны одною печалью звучатъ.

НА СЦЕНѢ.

Режиссеръ далъ мнѣ трудную роль,
Но я знаю ее наизусть:
Это драма „Великая Боль“.
Мой партнеръ—постоянная Грусть.

Я играю, а сцена— весь свѣтъ.
Я забывшись кричу иногда,
Но у публики отклика нѣтъ,
Ей душа моя вѣчно чужда!

Натураленъ и проченъ мой гримъ:
Взглядъ усталый, бороздки морщинъ.
Мнѣ разстаться не хочется съ нимъ
Даже... даже, когда я одинъ!

Я подарковъ не жду и цвѣтовъ,
Мнѣ вниманье глухихъ не нужно!
Поднесли мнѣ вѣнокъ изъ шиповъ
Уже въ юные годы—давно!

И конца представленья не жду,
Чтобы снять мой камзолъ и беретъ.
Что мнѣ отдыхъ? Куда я пойду?
У меня вѣдь и дома то нѣтъ!

ЗАРУБЕЖНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Это не мѣсяцъ глядитъ любовно,
Тѣни плетя на полу,—
Крадется свѣтъ фонарей неровный
Черезъ ночную мглу.

Городъ сверкаетъ убранствомъ сказки,
Весь облеченъ въ огни.
Что ты все время таращишь глазки?
Спи, мой сынокъ, усни!

Это не вѣтеръ повѣялъ, крошка,
Милымъ тепломъ степнымъ,—
Нѣтъ, къ намъ набились сюда въ окошко
Гарь и фабричный дымъ!

Черныя трубы... черныя крыши...
Трудно дышать,—терпи!
Дай, я подушку взобью повыше.
Спи же, мой мальчикъ, спи!

Это не пѣсня звучитъ родная
Полная старыхъ думъ,—
Въ нашъ уголокъ день и ночь залетаетъ
Уличный вѣчный шумъ.

Снизу несутся гудки, сигналы,
Рѣзко звонитъ трамвай.
Если бы зналъ ты, какъ я устала!
Надо, сынокъ, бай-бай!

Можетъ быть скоро вернется папа.
Бѣдный, усталъ и онъ!
Глазки свои перестань царапать,—
Вовсе прогонишь сонъ!

Раньше я чутко ловить любила
Звонъ осторожныхъ шпоръ.—
Папа твой былъ не всегда, мой милый,
Такъ, какъ теперь—шофферъ!

Шашка у папы была когда-то,
Конь не стальной—живой!
Лихо кричалъ онъ: „Ура, ребята,
Смѣло въ огонь за мной!“

Нынѣ жъ за подвиги, жертвы, раны
Вѣчнымъ скитальцемъ сталъ.
Спи, я печалить тебя не стану—
Ты еще слишкомъ малъ!

Родина, счастье, война, тревоги
Были давно—давно.
Помню, какъ мѣсяцъ золоторогій
Раньше свѣтилъ въ окно...

Помню и запахъ родной полыни
Тамъ, далеко въ степи...
Силъ набирайся, расти на чужбинѣ,
Спи, мой малютка, спи!

ПЛАЧЪ ДѢТЕЙ.

Когда не спится мнѣ тяжелой, долгой ночью,
И мучится душа тоскою безъ границъ,—
Встаютъ передо мной, какъ будто бы воочью,
Ряды несмѣтные унылыхъ дѣтскихъ лицъ.

На нихъ лежитъ печаль нужды великой
И нѣжный ротъ съ улыбкой не знакомъ.
Глазенки впалые поблескиваютъ дико,
Быть можетъ, ненавицятъ ужъ тайкомъ!

Какъ страшенъ видъ прозрачныхъ, исхудалыхъ
Съ мольбой протянутыхъ за хлѣбомъ дѣтскихъ рукъ:
Ихъ горе раннее до кости изглодало
И голодъ высосалъ, какъ яростный паукъ!

Имъ пошалить и въ мысли не приходитъ —
Вѣдь жизнь недолгая безъ свѣта протекла!
Ихъ тѣльца жалкія привыкли къ непогодѣ,
А души... души выжжены до тла!

За что? За что,—нѣтъ, не могу понять я,—
Грѣхи отцовъ отмщаются на нихъ?
О, Боже, положи скорѣй конецъ проклятью
И пожалѣй невинныхъ малыхъ сихъ!

Какъ много ихъ! Не троньте,—тише, тише!
А на душѣ все горше, все темнѣй...
Какъ ясно по ночамъ я плачъ протяжный слышу
Дѣтей несчастныхъ родины моей!

ВЪ ГЛУШИ.

Я живу въ лѣсу, далеко отъ всѣхъ.
Господи, прости мой невольный грѣхъ!—

Судный день грядетъ, міръ давно въ огнѣ,
Только я стою молча въ сторонѣ!

И кого позвать, и кому сказать,
Что меня въ глуши позабыла Мать,

Что мнѣ надо вѣкъ вѣковать въ лѣсу,
Что печаль свою я одна несу?

Если кличъ пойдетъ изъ земли родной,
Залетитъ ли онъ въ мой пріютъ лѣсной,

Позоветъ ли онъ за собой меня?
Я живу... и жду дорогого дня...

Много слезъ дрожитъ у меня въ груди.
Господи, прости, строго не суди,

Что и пѣснь моя лишь едва слышна,
Что вдали отъ всѣхъ я стою одна!

НЕТЛѢННЫЯ БЛАГА.

Я—бѣдна? Не правда! я богата,—
Нужды нѣтъ, что вѣчно безъ гроша!
У меня не все судьбою взято,
Не разбита бѣдами душа!

Развѣ такъ важны земныя блага?—
У меня иныя блага есть:
Красотѣ я принесла присягу
И храню незыблемою честь!

Хоть теперь и много дней дождливыхъ,
Хоть сѣро и тускло бытіе,
У меня воспоминанья живы:
То, что было—навсегда мое!

И такъ много красокъ въ прошломъ этомъ,
И такъ много образовъ встаетъ,
Что душа огнемъ его согрѣта,
До конца его не изживетъ.

Я бѣдна.—Но изъ того, что было,
Я могу другую жизнь создать!
Никому и никакою силой
Этого богатства не отнять!

КРАЙ РОДНОЙ.

О, моя родина, своей красою строгой
Ты съ дѣтства мнѣ понятна и мила.
Ты мнѣ дала такъ безконечно много,
Хоть безконечно много отняла!

Въ чужой странѣ, гдѣ высоки заборы,
Гдѣ тѣсно жить, гдѣ дали вовсе нѣтъ,
Мнѣ часто грезятся сибирскіе просторы
И буйный вихрь былыхъ геройскихъ лѣтъ.

Мнѣ часто грезятся мои родныя степи,
Уютъ станицъ, гдѣ мудръ казачій бытъ,
Но гулъ войны все громче, все свирѣпѣй
Въ ушахъ моихъ настойчиво звучитъ.

Я вижу вновь восторженныя лица,
Я слышу крикъ: „Впередъ, за Русь—на бой!"
О, Боже, что по ужасу сравнится
Съ погибшею высокою мечтой?

А этотъ путь—походъ въ глуши таежной,—
Кто пережилъ его, состарился душой...
А счастье вѣдь казалось такъ возможно,
Но не было назначено судьбой!

Сибирь, Сибирь! какъ много дорогого
Въ твоихъ снѣгахъ навѣки полегло!
И снова спаяны разбитыя оковы,
И снова сумрачно поникшее чело.

Давно изгладились угрюмое похмелье
И на поляхъ кровавые слѣды,
Но стонешь ты, овѣяна мятелью,
Отъ гнета рабскаго, отъ горя и нужды.

...А день суда грознѣе все и ближе.
Отъ сна воспрянетъ старый Богатырь.
И вѣрю я, что все-таки увижу
Свободною и мирною Сибирь!

ВЪ СТЕПИ.

Колокольчикъ заливной.
Гладь немѣренныхъ степей.
Топотъ тройки удалой—
Эхо родины моей!

Какъ дорога широка
И раздольна, и ровна!
Льется пѣсня ямщика—
Въ душу просится она!

Безграниченъ кругозоръ,
Пахнетъ сочною землей.
Пятна маленькихъ озеръ
Кое-гдѣ передо мной.

Ихъ привѣтливая синь
Отражаетъ небеса.
Эхъ, куда ты взоръ ни кинь—
Всюду вольная краса!

Какъ прекрасна на зарѣ
Степь родимая моя.
Отъ росы, какъ въ серебрѣ,
Опахала ковыля.

Горькимъ запахомъ полынь
Освѣжаетъ и бодритъ.
Прочь, кручина, скройся, сгинь!—
Тройка птицею летитъ.

А когда свѣтило дня
Уплываетъ на покой,
Степь, безмолвіе храня,
Вѣетъ вѣчностью глухой—

Одѣвается она
Въ ризы ночи не спѣша,
Молчалива и грустна,
Словно русская душа!..

НА ГРАНИ.

Мнѣ ночью казалось, что я умираю.
Мнѣ было такъ тяжко, такъ смутно—дурманно.
Мысль билась: „во тьму удаляюсь одна я,—
Не слишкомъ ли скоро, не слишкомъ ли рано?"

И крикнуть хотѣлось отъ края могилы,
Позвать и сказать, что я въ путь собираюсь,
И какъ я страдаю, и какъ я любила,
И какъ неохотно съ землею прощаюсь.

Мнѣ видѣть хотѣлось любимыя лица,
Услышать хотѣлось привѣтное слово,
Но не было силы подняться, отбиться
Отъ страшной руки неотвратно—свинцовой.

И жаль было жизни, что такъ пролетѣла
Въ исканьяхъ напрасныхъ, въ дерзаньи безплодномъ,
Что духу мѣшало презрѣнное тѣло
Стать гордымъ и легкимъ и вѣчно свободнымъ.

И жаль было близкихъ оставить навѣки,
Лишить ихъ опоры, любви и заботы.
Сознанье тускнѣло, и падали вѣки,
И близилось мрачное, страшное „Что-то".

И было обидно, что пѣснь не допѣта,
И скорбь овладѣла моею душою
О томъ, что уйду, не дождавшись разсвѣта
Надъ бѣдной загубленной милой Страною...

И съ этою скорбью, какъ съ мыслью конечной,
Померкъ мой свѣтильникъ—затмилось сознанье.
Но смерть пошутила угрозою вѣчной,
А взять отказалась, оставивъ за гранью...

ВЪ ДАЛЕКОМЪ ГОРОДѢ.

Солнце, какъ всегда, живило той весной,
И ручьи немолчно, какъ всегда, журчали
На горѣ расцвѣлъ богульникъ голубой,
Но душа... душа была полна печали.

Наверху, на той памятной горѣ,
Гдѣ буйна трава, гдѣ молчатъ могилы,
Вѣтеръ пѣснь поетъ ласковой порѣ,
Но душѣ моей пѣсни тѣ не милы!

Весело шумятъ дѣти у рѣки,
Лески съ червякомъ закидывая ловко
Боже! отчего стѣны высоки
У большого дома, тамъ, за Ушаковкой?

Тотъ, кто близокъ мнѣ, чуетъ ли весну
Но меня... меня, вѣрно, вспоминаетъ.
Оттого душа у тоски въ плѣну,
Оттого теплу гимновъ не слагаетъ.

Встану да пойду пораньше на зарѣ
Гдѣ нибудь искать хлѣба и опоры.
Городъ миновавъ, выйду къ Ангарѣ,
Берегомъ ея зашагаю скоро.

Въ воду погляжу,—видно все на днѣ,
Водорослей сѣть и песокъ и камни.
Нѣтъ у нея тайнъ въ тихой глубинѣ,—
Дивная рѣка—какъ она близка мнѣ!

Зеркаломъ своимъ лодки и дома
И кресты церквей вѣрно отразила...
Боже! лишь бы мнѣ не сойти съ ума,
Не шагнуть съ моста, отпустивъ перила.

Жизнь... страшна она! истерзала грудь...
Голодъ... мракъ... вездѣ равнодушны люди...
Лишь одно, одно скрашиваетъ путь—
Робкая мечта о желанномъ чудѣ...

По пути домой губъ не разомкну,
Средь чужихъ скользя незамѣтной тѣнью,
Съ горестной мольбой въ церковь загляну,
Чтобъ хоть тамъ найти отдыхъ и забвенье.

Молодость, гдѣ ты, гдѣ моя весна?
Въ буряхъ и въ бѣдѣ ты увяла рано.
Годы утекли... Память мнѣ вѣрна;
Прошлое зоветъ часто изъ тумана.

И встаютъ опять Городъ и Рѣка,
И богульникъ—цвѣтъ, узникъ за стѣною...
И горитъ опять подъ слезой щека,
Какъ тогда... давно... скорбною весною.

ТѢНЬ РОДИНЫ.

Гдѣ наша родина? Не тамъ ли, гдѣ сверкаютъ
Оскалы злобные чужихъ, враждебныхъ лицъ?
Не тамъ ли, гдѣ, дымясь, печально догораютъ
Развалины былыхъ станицъ?

Гдѣ наша родина? Не тамъ ли, гдѣ лишь волку
Въ степи пустой привольное житье,
А человѣкъ рыдаетъ втихомолку
Одинъ въ углу, чтобъ горе скрыть свое!

О, тамъ давно и братъ не вѣритъ брату:
Вездѣ глаза... и уши... и штыки...
И что ни тронь—все сломано, измято;
Куда ни глянь—все мертво отъ тоски.

И это—родина? И ею сердце жило?
И это къ ней такъ страстно насъ влекло?
Какъ пусто все... Безкрестныя могилы...
Быльемъ, быльемъ родное поросло!

Иной языкъ. Обычай непонятный.
Въ презрѣньи все, что раньше чтили мы.
Такъ это—Русь?—Бѣжать, бѣжать обратно
Куда—нибудь отъ этой сѣрой тьмы...

Святая Русь... да полно, ужъ была ли?
Не сонъ ли все? А голова въ огнѣ...
Не въ книгѣ ли забытой мы читали
О древней православной Сторонѣ?

Она какъ тѣнь. Она за нами—всюду.
Проклясть ее? Нѣтъ... плачу и молюсь:
Пусть надъ тобой свершится Божье чудо,
Несчастная, затравленная Русь!

ЗЕМЛЯ ОБѢТОВАННАЯ.

Вдали отъ родины тоскуя и грустя,
Тебѣ дала я жизнь, мое дитя,
Свѣтъ глазъ моихъ.

Но мать свою въ часъ трудный не кляни,
Хоть мы одни, хоть мы совсѣмъ одни
Среди чужихъ!

Мы лишніе... Да, милый, тяжело...
Какимъ сюда насъ вихремъ занесло,
Ты хочешь знать?

Въ твоихъ глазахъ мнѣ чудится упрекъ.
Не надо слезъ, а надо, мой сынокъ,
Терпѣть и ждать!

Охъ, тошно мнѣ, а видишь, я живу,
Хоть предо мной во снѣ и наяву
Вся боль потерь!

А ты лишь началъ жить, и все передъ тобой,
Такъ помни-жъ мой завѣтъ, короткій и простой:
Молись и вѣрь!

Поди ко мнѣ. Тихонько, смирно сядь:
О многомъ я тебѣ хотѣла бы сказать,
Чѣмъ грудь полна.

Тамъ, гдѣ край неба розовъ отъ зари,
Тамъ далеко, смотри, сынокъ, смотри,
Моя страна!

И ты бъ хотѣлъ попасть туда, скажи?
Но всюду люди, всюду рубежи
И тьма преградъ.

И намъ, изгнанникамъ, съ израненной душой
Ни здѣсь, ни тамъ, сынокъ мой дорогой,
Никто не радъ.

Не три глаза и брось глядѣть въ окно!
Вѣрь, всей душой я чувствую одно:
Ты будешь тамъ!

Будь твердъ, не гнись, не отступай въ борьбѣ
И тотъ просторъ, что не знакомъ тебѣ,
Увидишь самъ!

Ты что? Не плачь,—мы здѣсь не навсегда!
Пройдутъ года, пройдутъ еще года
Среди руинъ,

Но встрепенется Русь, окованная зломъ,
И позоветъ... и ты въ родимый Домъ
Войдешь, какъ сынъ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.